

В.А. ЖУКОВ С.Г. КАРАМУЗА В.Э. БАГДАСАРЫН В.А. КУТМОВ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ

УЧЕБНИК

Сергей Кара-Мурза

**Актуальные проблемы
государственной политики**

«Автор»

2017

Кара-Мурза С. Г.

Актуальные проблемы государственной политики / С. Г. Кара-Мурза — «Автор», 2017

Начнем с вопроса: «Чему вы учитесь?» Политология — новая область знания в России. Те, кто в 1980-е годы стали называть себя политологами, в основном работали в идеологических службах — вели пропаганду «решений КПСС». Это были решения, подготовленные экспертами в рамках, заданных высшим эшелонном номенклатуры. Сама КПСС в форме съездов и выступлений в партийной печати лишь легитимировала эти решения, а «политологи» ставили знак качества от имени науки. Таким образом, они играли заметную роль в политической практике, в то время как политология — это рефлексия о политической практике, получение беспристрастного знания о том, «что есть» политика в реальности, а также размышления о том, какой могла бы быть политика при тех или иных изменениях субъекта и объекта политики. При этом очевидно, что политология — лишь одна из многих дисциплин, которые обеспечивают политиков рациональным знанием. Ведь политика прямо или косвенно влияет на все стороны бытия общества и народа. Политолог не служит политикам, а исследует их когнитивную, социальную и нормативную структуры, абстрагируясь в своем акте познания от своей нравственной оценки объекта исследования. Тем он и ценен для политиков. Лишь «в свободное от работы время» политолог может выступать как политик или морализатор — будь то на стороне власти, оппозиции или других акторов политики. Как, изучая политику, отрешиться от своих ценностей, особенно если они находятся в конфликте с ценностями заказчика или работодателя? Это трудно, но возможно.

© Кара-Мурза С. Г., 2017

© Автор, 2017

Содержание

Введение. Что изучают и будут	7
Глава 1. Власть	16
Глава 2. Государство	33
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Введение. Что изучают и будут

изучать политологи России

Начнем с вопроса: «Чему вы учитесь?»

Политология – новая область знания в России. Те, кто в 1980-е годы стали называть себя политологами, в основном работали в идеологических службах – вели пропаганду «решений КПСС». Это были решения, подготовленные экспертами в рамках, заданных высшим эшелонном номенклатуры. Сама КПСС в форме съездов и выступлений в партийной печати лишь легитимировала эти решения, а «политологи» ставили знак качества от имени науки.

Таким образом, они играли заметную роль в политической практике, в то время как политология – это рефлексия о политической практике, получение беспристрастного знания о том, «что есть» политика в реальности, а также размышления о том, какой могла бы быть политика при тех или иных изменениях субъекта и объекта политики. При этом очевидно, что политология – лишь одна из многих дисциплин, которые обеспечивают политиков рациональным знанием. Ведь политика прямо или косвенно влияет на все стороны бытия общества и народа.

Хорошее и важное определение дал в своем учебнике К.С. Гаджиев: «Предметом политологии в общей сложности является политическое в его тотальности, в контексте исторического развития и реальной социальной действительности, а также взаимодействия и переплетения различных социальных сил, социокультурного и политико-культурного опыта».

Это определение важно тем, что очень многие политологи вырывают политический процесс из контекста исторического развития и реальной социальной действительности, игнорируют структуру постсоветского общества (переплетение различных социальных сил) и уж тем более социокультурный и политико-культурный опыт народа.

Политолог не служит политикам, а исследует их когнитивную, социальную и нормативную структуры, абстрагируясь в своем акте познания от своей нравственной оценки объекта исследования. Тем он и ценен для политиков. Лишь «в свободное от работы время» политолог может выступать как политик или морализатор – будь то на стороне власти, оппозиции или других акторов политики.

Эта ситуация методически и этически сложна. Как, изучая политику, отрешиться от своих ценностей, особенно если они находятся в конфликте с ценностями заказчика или работодателя? Это трудно, но возможно. Так, врач стремится поставить достоверный диагноз болезни пациента независимо от того, симпатичен ему пациент или противен. Так же фронтальная разведка добывает достоверное знание о противнике, а не доводы, чтобы его ненавидеть. Политолог, создающий имиджи политиков, даже по зову совести, – «ряженный», он берет на себя функции другой профессии. Здесь – проблема и самой политологии, и подготовки профессиональных политологов в вузах.

Как обстоит это дело у нас – здесь и сейчас? В основном в постсоветской России воспроизводится то состояние политологии, которое было в позднем СССР. Разница в том, что цивилизационный (культурный, идеологический) конфликт в гуманитарной интеллигенции СССР, вызревавший с 1960-х годов, в основном был латентным или представлялся маргинальным (мейнстриму противостояла «кучка диссидентов»), а в конце 1980-х годов он стал открытым, перерастая в 1990-е годы в непримиримое противостояние крупных общностей. Сейчас общество расколото на «сторонников и противников реформы».

Социальная база обеих этих сторон велика и сравнима по интеллектуальным ресурсам, так что обе стороны обзавелись своими «политологами». Одни пропагандируют и легитимизируют «либеральные реформы», другие критикуют эти реформы и подрывают их легитимность.

Иными словами, те и другие выступают как активные политики, занимаясь борьбой. В их работе анализ если и присутствует, то лишь как инструмент борьбы. Анализ у них методологически подчинен идеологии. Снова применяя аналогию, скажем, что те и другие служат в штабе, а не в разведке. Разумеется, в системе образования, в издательстве учебников и в СМИ видны и слышны в основном «политологи», служащие реформаторской власти (хотя и внутри нее есть трения). Но здесь для нас важно, что сообщества, чья когнитивная структура была бы ориентирована на добывание актуального достоверного знания о политике, в России пока не возникло. Политическая система России, проходящая через полосу острых конфликтов и противоречий, лишена разведки. В результате все социальные акторы политической системы несут большие потери. В выигрыше остаются лишь теневые силы, извлекающие доход из хаоса.

Любое профессиональное сообщество соединено трудами авторитетной группы «мастеров», которые заложили основы парадигмы, задали нормы познания и коммуникации – внутри и вне сообщества. Их имена на слуху, они представляют сообщество в СМИ, их знают зарубежные коллеги. Такой группы в российской политологии нет. На виду – две конкурирующие группы пропагандистов «рыночной реформы». Вначале, в 1980—1990-е годы, они работали вместе под эгидой «команды Горбачева—Ельцина». После 2000 г. одна часть сохранила прежнюю риторику, а другая примкнула к «проекту Путина». Россыпь политологов «левопатриотического» толка сплотиться в организующую группу не смогла и ведет катакомбное существование. Можно, конечно, всех их называть политологами, но легче не станет.

Видимо, в данный момент власть еще не заинтересована в получении и предоставлении обществу беспристрастного знания о политическом процессе, а значит, и политология научного типа не нужна. Политология научного типа стала бы мощным фактором роста гражданских настроений и обретения населением политической воли и организации, а это усложняет политические процессы.

Однако нельзя не видеть, что конъюнктурные выгоды для власти от пассивности населения краткосрочны, и уже сейчас баланс выгод и потерь, видимо, стал сдвигаться в зону отрицательных значений. Эта пассивность – симптом деградации общества, которая идет под давлением социальной обстановки и политических воздействий государства на общество. «Нейтрализовав» большинство бедностью и страхами, власть лишь ненадолго упростила свое положение, но зато утратила активную благожелательную поддержку слишком большой части граждан. Пока что большинство голосует за нынешнюю власть, но ее культурная гегемония быстро слабеет. Голосование «за меньшее зло» – плохая опора, а впереди трудные времена.

Одна из причин отчуждения населения от власти – отсутствие адекватного языка (дискурса), на котором власть, все ветви оппозиции и масса граждан могли бы вести общественный диалог по реальным вопросам национальной повестки дня. А ведь анализ и «конструирование» этого дискурса для всех частей политической системы (включая молчаливое большинство) – предмет именно политологии. Но вспомним тот язык, на котором в 2011—2012 гг. общались с протестными группами видные провластные политологи – они сужали пространство диалога.

А политологического исследования наблюдаемых конфликтов не было.

Между тем неспособность политологов предложить методологию перевода конфликтов в режим диалога чревата риском «некоммуникабельности» между государством и первым постсоветским поколением, которое вышло на общественную арену. Именно на это поколение власть делала ставку в своем проекте модернизации России, она не заинтересована в том, чтобы доводить дело до конфликта и отчуждения.

Из этого следует вывод: срочной национальной задачей в России стало создание ячеек научной политологии и соединение их в профессиональное сообщество. Пусть и апологеты, и критики власти продолжают выполнять свою роль «агитатора, горлана-главаря» и даже назы-

вают себя главными политологами, надо обеспечить институционализацию структур позитивной политологии без ненужных конфликтов с «конкурентами».

Ясно, что эти ячейки новой политологии могут расти и крепнуть только в процессе обучения студентов и аспирантов – но уже на жесткой методологической основе научного типа. Это должна быть подготовка не будущих президентов, не помощников депутатов и не «политических менеджеров», а исследователей и аналитиков. Работы для них в России хватит еще надолго.

Видимо, мы вступаем в этап разработки учебных планов нового поколения по специальности «политология». Прежде всего, в них будут разведены политика и политология как две разные системы, которые связаны, но представляют собой два принципиально разных пространства – как конструирование атомной бомбы и физика ядра. Знание об этих пространствах «производится» в разных когнитивных структурах и в разных нормативных системах. Смешение их снижает качество обучения и политике, и политологии.

Французский философ М. Фуко, обсуждая проблему взаимодействия интеллектуалов и власти, сказал так: «Интеллектуал больше не должен играть роль советчика. Он не должен составлять планы для тех, кто борется и защищается, не должен придумывать для них тактику и ставить перед ними цели, Интеллектуал может дать инструменты анализа, и в настоящее время это по сути своей роль историка. В самом деле, речь идет о том, чтобы иметь плотное, длительное восприятие настоящего, которое позволяло бы замечать, где проходят линии разлома, где сильные точки, к чему привязали себя власти (сообразно организации, возраст которой насчитывает ныне полторы сотни лет) и куда внедрились. Иными словами, делать топографическую и геологическую съемку поля битвы... Вот она, роль интеллектуала. А говорить: "необходимо, чтобы вы сделали то-то и то-то" – безусловно, не его роль».

Это жесткое утверждение не всегда верно, но в нем – важная мысль.

Во-вторых, будет постепенно преодолеваться неявная установка высшего образования на подготовку политологов не как исследователей политической системы в целом, а как специалистов, обслуживающих власть и корпорации (в крайнем случае партии, ставшие корпорациями). Невозможно понять политический процесс, если в исследовании игнорируются или представляются врагами все неконформистские, диссидентские или антивластные и даже антигосударственные движения и группы. Враг и объект исследования – разные сущности.

И наконец, система образования политологов должна обратиться к реальности конкретной России в данный конкретный специфический исторический момент. Этап обучения по учебникам, в которых описаны общественные и политические институты вожденного Запада, завершается, ресурс полученного на этом этапе полезного знания практически исчерпан. Государство должно организовать приемлемое жизнеустройство на той земле, которая нам досталась, и с тем народом, что сложился и обрел самосознание в исторических условиях, которых мы не можем отменить. И культура и мировоззрение – системы, которые изменяются под воздействием социальных и политических условий, но попытки их сломать кончаются провалом и ведут к массовым страданиям населения.

Конечно, этот поворот в образовании будет трудным и постепенным, за два десятилетия когнитивная и социальная база постсоветской политологии сложилась и стала воспроизводиться. В 2004 г. на совещании преподавателей обществоведения зав. кафедрой политологии крупного вуза объясняла, какие полезные курсы читаются студентам: «...их учат, как надо жить в гражданском обществе». Ее спросили: зачем же учат именно этому, если у нас как раз гражданского общества нет? Почему не учить тому, что реально существует? Она удивилась вопросу, хотя и признала, что да, далеко нам до гражданского общества. Почему же она удивилась? Потому что в ее сознании господствовало не реалистическое, а аутистическое мышление.

Нам долго вколачивали в головы, что отродясь не было и нет в России ни демократии, ни гражданского общества. Но что-то ведь есть! Об этом бы и надо нам говорить, следуя нормам

рационального мышления. Ведь это первый шаг к познанию реальности – увидеть «то, что есть», а потом уж рассуждать о «том, что должно быть».

Эта установка на простую трансплантацию в Россию западной политической науки и ее учебников была «детской болезнью» русского либерализма конца XIX – начала XX в. Один из ведущих идеологов евразийства, историк, философ права и государствовед Н.Н. Алексеев писал: «Русские ученые, вышедшие из западных школ, без всяких особых размышлений и без всяких оговорок перенесли построенную на Западе теорию европейского государства на русскую почву и тем самым придали принципам этой теории нормативное значение. Оттого наше государствоведение... являлось не чем иным, как политикой европеизации русского государства»¹.

Тут камень преткновения всего нашего обществоведения – либерального досоветского, марксистского советского и нынешнего антисоветского. Восприняв язык и познавательные нормы Просвещения, оно прикрыло свой взор фильтром евроцентризма. Оно просто не видело факты и процессы, о которых не было написано в западных учебниках. А если и видело, не имело слов, чтобы их объяснить или хотя бы описать.

Методология основных учебников политологии, переписанных с западных учебников 1970-х годов, – это «мышление в духе страны Тлен». Эта аллегория удивительно точна, вспомним ее суть. В рассказе-антиутопии Хорхе Луиса Борхеса «Тлен, Укбар, Orbis tertius» (1944) говорится о том, как ему странным образом досталась энциклопедия страны Тлен. В ней были подробно описаны языки и религии этой страны, ее императоры, архитектура, игральные карты и нумизматика, минералы и птицы, история ее хозяйства, развитая наука и литература – «все изложено четко, связно, без тени намерения поучать или пародийности». Но весь этот огромный труд был прихотью большого интеллектуального сообщества («руководимого неизвестным гением»), которое было погружено в изучение несуществующей страны Тлен.

Позднесоветская и постсоветская политология сложилась как «сравнительная», она приняла понятия и логику западной политологии, явно или скрыто соотнося российскую реальность с описаниями западных политических и общественных институтов. Но уже в 1990-е годы эти западные институты были совершенно иными – с чем же политологи сравнивали нашу реальность?

Более того, уже в 1970-е годы западные представления, принятые у нас как методологическая основа, были подвергнуты критике на самом Западе. Один из ведущих политологов США – Дж. Сартори пишет в программной статье (1970): «Представленная в этой статье точка зрения заключается в том, что политическая наука как таковая в значительной мере страдает методологическим невежеством. Чем дальше мы продвигаемся технически, тем обширнее оказывается неизведанная территория, остающаяся за нашей спиной. И больше всего меня удручает тот факт, что политологи (за некоторыми исключениями) чрезвычайно плохо обучены логике – притом элементарной».

До нас эта критика тогда не дошла. То описание СССР, которое с конца 1970-х годов составлялось элитой нашего обществоведения, было именно «энциклопедией страны Тлен». Описание это становилось год от года все более мрачным, к 1985 г. слившись с образом «империи зла». Это одна из причин краха СССР.

Аналогичный фильтр стал важной причиной и той катастрофы, которую потерпела политическая система России в начале XX в. Маркс сказал, что крестьянин – «непонятный иероглиф для цивилизованного ума», а в понятиях марксизма мыслила тогда вся наша интеллигенция, включая жандармских офицеров. И вот государство Российской империи направляет свою мощь на разрушение крестьянской общины, хотя Столыпинская реформа была изначально обречена на провал. Вебер точно его предсказал, но как могли этого не видеть российские философы и юристы?

Член ЦК партии кадетов В.И. Вернадский написал в 1906 г.: «Теперь дело решается частью стихийными настроениями, частью все больше и больше приобретает вес армия, этот сфинкс, еще более загадочный, чем русское крестьянство».

И что же? Политическая система царизма действительно оказалась беспомощной перед загадкой этого сфинкса, своими руками шаг за шагом превращая армию в могильщика монархической государственности. Ведь Февральскую революцию совершила в основном армия, включая генералов.

Потом этот же путь «исходили до конца» и Керенский с Корниловым, а кадеты с эсерами начали Гражданскую войну против Советов, крестьянской общиной порожденных. У них не было шансов на успех, и Вебер это доходчиво объяснил кадетам, самой интеллектуальной партии России. Зачем же было втягиваться в такой безнадежный проект? Тем более неразумно, что вожди Белого движения так построили свою армию, что, по выражению В.В. Шульгина, пришлось «белой идее переползти через фронты гражданской войны и укрыться в стане красных». Но ведь и нынешние политологи даже не пытаются растолковать эту фразу Шульгина.

Андропов, став генсеком КПСС, признал, что «мы не знаем общество, в котором живем»². В этом признании было предчувствие катастрофы. Ведь это сказал человек, который много лет был председателем КГБ. Власть СССР обслуживала огромная армия обществоведов: только научных работников в области исторических, экономических и философских наук в 1985 г. было 163 тыс. человек. Гораздо больше таких специалистов работало в государственном аппарате, народном хозяйстве и социальной сфере. И такой дефицит знания об обществе!

Вот с такой научной базой стали политики перестраивать советское общество, причем методом слома и ампутации. При этом они пользовались западными учебниками и «чертежами», не располагая тем запасом неявного знания, который был у западных политиков и нейтрализовал логические ошибки этих учебников.

Когда в конце 1980-х годов начали уничтожать советскую финансовую и плановую системы, «не зная, что это такое», дело нельзя было свести к проискам агентов влияния и теневых корыстных сил (хотя и происки и корысть имели место). Правительство подавало законопроекты, народные депутаты голосовали за них, а им аплодировали делегаты съезда КПСС. Политики производили со страной убийственные операции, приговаривая: «Эх, не знаем мы общества, в котором живем, не учились мы анатомии».

Что же изменилось со времен перестройки? Эмпирический опыт получен огромный, причем на собственной шкуре – живого места нет. Казалось бы, после таких экспериментов должны мы были бы познать самих себя. Нет, это знание так и остается на уровне катакомбного. Где-то в мрачных кельях его обсуждают вполголоса, а политики так и продолжают с гордостью говорить о «неправильной стране» и «неправильном народе». Правда, теперь в шадящих выражениях: «а вот в цивилизованных странах то-то...» или «а вот в развитых странах так-то...». Эта «неправильность» России для политиков и политологов вроде бы служит оправданием их незнания.

Одним из следствий этого стало странное убеждение, что «неправильное – не существует». Гражданское общество – правильное, но его у нас нет. Значит, ничего нет! Не о чем думать и нечему тут учить. Вот, например, как стоит вопрос о характере советской правовой системы. Советское государство? Неправовое! Не было у нас права, и все тут. Подобный взгляд, кстати, стал одной из причин кризиса и политической системы России в начале XX в. Тогда и либералы и консерваторы восприняли дуалистический западный взгляд: есть право и бесправие. Требования крестьян о переделе земли они воспринимали как неправовое. На деле правовая система, в которой де факто жило 85% населения России, была основана на триаде право – традиционное право – бесправие. А земельное право, которому следовал общинный крестьянин, было трудовым. Не видя реальной структуры действующего в России права,

и власть, и либеральная оппозиция утратили возможность диалога с крестьянством и довели дело до революции.

Точно так же советская либеральная интеллигенция времен перестройки, уверовав в нормы цивилизованного Запада, стала отрицать само существование в СССР многих сторон жизни. Настолько эта мысль овладела умами, что на телевидении дама жаловалась на то, что «в Советском Союзе не было секса».

Таким образом, от незнания той реальности, в которой мы живем, наш политический класс перешел к отрицанию самого существования реальности, которая не согласуется с «тем, что должно быть». У многих политиков это стало своеобразным методологическим принципом. Этому есть масса красноречивых примеров из рассуждений самых видных и уважаемых политических деятелей и близких к ним политологов.

Очевидно, что кризис в России представлял и представляет собой клубок противоречий, не находящих конструктивного разрешения. Но политики и политологи категорически отказываются от диалектического принципа выявления главных противоречий. Они предпочитают видеть кризис не как результат столкновения социальных интересов, а как следствие действий каких-то стихийных сил, некомпетентности, ошибок или даже недобросовестности отдельных личностей в правящей верхушке. При этом исчезает сама задача согласования интересов, поиска компромисса или подавления каких-то участников конфликта – «политический класс» устраняется от явного выполнения своей основной функции, она переходит в разряд теневой деятельности. Для прикрытия создается внесоциальный и внеполитический метафорический образ «общего врага» – коррупции, разрухи и т.п.

Например, врагом-призраком представлена в России бедность, с которой надо вести общенародную борьбу. Эта концепция – выражение того расщепления сознания, каким отмечено мышление политической элиты. Ведь бедность половины, а теперь трети населения в нынешней РФ – это не наследие прошлого. Она есть следствие обеднения и была буквально «создана» в ходе реформы как новая социальная система. Известны социальные механизмы, посредством которых она создавалась, и политические решения, которые запустили эти механизмы – приватизация земли, промышленности и части социальной сферы, изменение характера распределения богатства (прежде всего, доходов), ценообразование, налоговая политика и т.д. В этом суть экономической реформы, и поскольку эта суть не меняется, она непрерывно воспроизводит бедность, даже в тучные годы.

Очевидно, что создать огромные состояния и целый слой богатых людей в условиях глубокого спада производства можно только посредством изъятия у большинства населения значительной доли получаемых им в прошлом благ, что и стало причиной обеднения. Это и служит объективным основанием социального конфликта. Есть ли признаки готовности общества политологов хотя бы к диалогу по этой проблеме? Нет, до сих пор никаких признаков не возникло.

Сейчас, когда прошло 25 лет реформ, накал эмоций снизился и пришло время для хладнокровного рационального анализа. Как выразился Гегель, «сова Минервы вылетает в сумерках». Более или менее исчерпывающие и соответствующие реальному положению вещей знания о том или ином общественно-политическом феномене политолог может получить лишь тогда, когда этот феномен стал свершившимся объективным фактом общественной жизни. До этого исследователь или аналитик сам участвует в общественном конфликте, и отрешиться от собственных политических предпочтений ему очень трудно.

Для современной политологии России есть огромный запас эмпирического знания, который может быть использован в учебных целях. Это социальная и политическая история кризиса и краха СССР с последующим кризисом 1990-х годов. Это знание уже «отлежалось» и систематизировано в достаточной степени, чтобы можно было формулировать учебные задачи. Крах СССР мог бы быть прекрасной матрицей нашей политологии.

Катастрофы – это жестокий эксперимент. В технике аварии и катастрофы – источник важнейшего знания. Что же говорить об обществе и государстве, само рождение и жизнь которых покрыты многими слоями мифов и преданий! Именно когда рушатся под явными ударами такие сложные конструкции, как государство и общество, на короткое время открываются глазу их истинное внутреннее строение и практика политических институтов. В этот момент можно многое понять – и о государственной политике, и об управлении.

Но очень ненадолго приоткрывается нам суть вещей, и мы обязаны сделать усилие и успеть добыть драгоценное знание, пока раны раскрыты. Это знание оплачено страданиями миллионов людей, нельзя дать ему пропасть!

Надо подчеркнуть, что нельзя понять политическую систему и государственную политику без выяснения сущности соответствующего общества – и как субъекта, и как объекта политики. Большинство учебников политологии, берущие за основу известные западные учебники, не дают реального образа общества нынешней России, как и обществ Российской империи и СССР, с которыми существующее сегодня общество генетически связано.

Эту большую работу еще требуется проделать. Однако выявить те особенности нашего общества относительно Запада, которые влияли и влияют на структуру государства и функционирование политических институтов СССР и России – особая и срочная задача. Учить российских политологов по калькам с западных учебников – все равно что послать в тыл противника отряд, дав ему карту совсем иной местности.

В этом кратком курсе мы не сможем провести отбор природных, социальных и культурных особенностей, принципиально влияющих на государственную политику России, но постараемся в каждой теме привести примеры таких особенностей.

Очевидно, что при решении подобных задач политология неразрывно переплетена с социологией. Видные американские политологи (Р. Бендикс и С.М. Липсет) даже выделяли политическую социологию как особую соединяющую их междисциплинарную область. Они писали, что «в отличие от политологии, которая исходит от государства и изучает, как оно влияет на общество, политическая социология исходит от общества и изучает, как оно влияет на государство, то есть на формальные институты, служащие разделению и осуществлению власти».

Что касается России, то наша реальность дает прекрасные учебные примеры переплетения политологии и социологии. Например, политика 1990-х годов привела к дезинтеграции общества – это предмет политологии; возникшая при этом массовая аноμία привела к коррупции государственного аппарата и кризису легитимности власти – это предмет политической социологии.

При описании и анализе любой системы, в том числе политической, следует выделять три состояния (среза):

актуальное реально существующее состояние, проявляющееся в структуре;

поведение или функционирование системы;

становление и эволюция зарождающихся форм.

Системный анализ должен охватить все эти три среза, хотя бы грубо. Чаще всего, однако, внимание концентрируется на первых двух срезах – структуре и функциях.

Вообще, в классической науке главным объектом служит «то, что есть» – первые два обозначенные выше состояния. На них делает акцент «наука бытия». В последние десятилетия все больше внимания уделяется неравновесным и необратимым процессам, нелинейности и разрывам непрерывности, переходам «порядок – хаос». В этих процессах зарождаются новые системы – это «наука становления».

За последнее столетие российское, затем советское, а затем и постсоветское государство переживало именно катастрофы и переходы «порядок – хаос». Революции, войны, форсированные программы, смены поколений при стрессе массового изменения образа жизни,

катастрофические реформы – все это требует от политологии освоить и развивать методологические подходы именно «науки становления». Здесь зарождаются и гибнут ростки новых социальных форм, обещающих шанс на преодоление кризиса, здесь возникают и лавинообразно развиваются новые, непривычные угрозы.

Взгляд на государственную политику и управление под углом зрения «науки становления» требует от политолога представлений не только об особенностях России, но и об особенностях состояния России. В таких особых состояниях в разные исторические периоды пребывали практически все государства, и везде от политологов (неважно, как их называли) требовалось специальное знание специфики момента.

Назовем некоторые важнейшие «состояния России», о которых пойдет речь в нашем курсе.

1. Россия переживает необычный («системный») кризис, который считается самым глубоким и длительным в истории индустриальных обществ. Некоторые видные политики называют это Великой капиталистической революцией, другие считают эпизодом незакончившейся русской революции XX в.

Ясно, что речь идет о чрезвычайном периоде бытия страны и государства – как тяжелая болезнь есть чрезвычайный период в жизни человека. К больному человеку – особое отношение, ему нужны уход, лечение, сострадание и терпимость близких. Так же и государственная политика и управление – в период кризиса они должны следовать иным индикаторам, нормам и критериям, нежели в обычные периоды или тучные годы. Такая чрезвычайная «кризисная» политика – предмет политологии, крайне актуальный сегодня. Эта особенность практически не упоминается в учебниках.

2. Общество – это гетерогенная динамичная система, которая и в норме представляет собой арену множества противоречий. В условиях кризисов сложность и скорость развития противоречий и конфликтов резко возрастают. Общество становится системой крайне неравновесной, процессы приобретают нелинейный характер, возникают критические явления, необычные кооперативные взаимодействия, при которых интенсивность конфликтов может вдруг увеличиться на несколько порядков, и пр. Одна из постоянных функций государства – иметь «карту противоречий» (в динамике), разделяющих общество, обновляемый набор альтернативных действий для разрешения противоречий, их «замораживания» или подавления.

Этот срез политики также не упоминается в учебниках или упоминается вскользь. Это значит, что в принципе государственная политика не проблематизируется, государство и общество трактуются как равновесные системы, в которых идут стационарные процессы. Если что-то делается не так, то это представляется следствием отсталости или некомпетентности нашего госаппарата или населения. Политолог не может списывать проблемы на такие факторы, это называется «заметать мусор под ковер».

3. Особенностью состояния России, причем аномально тяжелой, является дезинтеграция общества и параллельно дезинтеграция народа (нации). В ходе «капиталистической революции» произошел распад ключевых социокультурных общностей (рабочих, интеллигенции, офицерства и др.), что создало крайне сложные и необычные условия для политики государства.

В российской социологии это центральная тема, в ней накоплен огромный эмпирический материал, обсуждаются доктрины «сборки» общностей и их соединения в общество – все это не оставило никакого следа в учебниках политологии.

А ведь тут – корень множества политических проблем, разбираться в которых как раз и должны будут выпускники факультетов политологии.

Политологи должны освоить современные представления о кризисе как особой и неустрашимой форме бытия общества и государства. Невозможно не только объяснить, но и

описать политический процесс, не понимая, что происходит при кризисе в хозяйстве, культуре, в социокультурных и этнических общностях, в разных поколениях, в семье и т.д. Пока что над нами довлеет иллюзия устойчивости «качеств», присущих людям и общностям. Этот эссенциализм несовместим с политологией кризиса.

4. Западная политология (особенно опирающаяся на либеральную политическую философию), корнями уходящая в Просвещение, оказалась беспомощна перед всемирной волной «бунтующей этничности». Но в России политизированная этничность создает для государства по ряду причин проблемы несравненно более сложные, чем на Западе. Российская наука в этой сфере сильно отстала, политики в массе своей этого вообще «не проходили», а процессы развиваются, угрозы вызревают. Сейчас в учебнике по курсу «Государственная политика и управление» в России насущно необходим раздел, посвященный этническим проблемам «здесь и сейчас». Спецкурс не заменяет рассмотрения этой проблемы в контексте базового курса.

5. Говоря о государственной политике и управлении в нынешней России, нельзя игнорировать тот факт, что на ее территории и в зарубежье действует «недостойный двойник» (и антипод) Российского государства – организованная преступность с большими кадровыми и финансовыми ресурсами и «вспомогательными силами». Этот фактор является фундаментальным для всех стадий почти любого политического действия государства. Ситуацию усугубляют настойчивые попытки преступного мира к сращиванию с властью, особенно в регионах.

Этот фактор и родственные ему резко изменяют политический ландшафт России и делают ущербными курсы политологии, которые этот фактор игнорируют.

Исходя из этих посылок, мы и выстроили данный курс. Не будем питать иллюзий, создание «кризисной» политологии – большое сложное предприятие, но его надо начинать.

Глава 1. Власть

§ 1. Власть как неизбежный атрибут

человеческого сообщества

Власть и господство – неизбежный атрибут любого человеческого сообщества, да и животного мира. В стае птиц или обезьян все подчиняется командам вожака, а детеныши – сигналам матери. В семье возникших первобытных людей была необходима власть родителей над детьми как условие их выживания. Родственные семьи, собравшиеся в сообщества, сразу вырабатывали нормы и правила уже социальных отношений. Первобытная община не могла бы существовать без обязательных норм и запретов, нарушение которых влекло за собой наказания, в том числе насильственные. Власть возникла вместе с самим человеком, он неотделим от этой стороны его бытия.

Для существования человеческих сообществ требовалось, чтобы семьи соединялись в роды, кланы и общины, а для этого было необходимо выработать жесткие культурные нормы (вроде табу на инцест) и механизмы по надзору за их соблюдением. Как утверждал антрополог К. Леви-Стросс, первоосновой социокультурного начала была сексуальная реформа – запрет инцеста. Это табу породило систему коммуникаций, основанную на взаимобмене. Так возникли ранние формы фиксированных брачных связей и нормативного родства, правила старшинства поколений – все это и привело к формированию родовых и родо-племенных общностей.

Запрет что-то делать или приказ не делать того-то и того-то – элемент процесса становления человека и человеческого общества, формирования механизмов обуздания инстинктов, подчинения их контролю общества. Это становление нравственности и культуры. Либеральный американский философ К. Лэш сказал (с горечью и преувеличением): «Ядро любой культуры стоит на ее «запретах» («глубоко впечатавшихся вето, выгравленных в превосходных и правдивых символах»). Вот почему имеет смысл описывать нынешние Соединенные Штаты как «общество без культуры». Это общество, в котором нет ничего святого и, стало быть, нет ничего недозволенного».

Из истории политической науки

Кристофер Лэш (1932—1994)

Американский историк, общественный критик, специалист в области этики

Основные сочинения: «Агония американских левых» (1969), «Культура нарциссизма: американская жизнь в эпоху ослабления ожиданий» (1979), «Восстание элит и предательство демократии» (1994)

Смысл очень многих понятий проясняется через антитезу (например, добро–зло) или хотя бы через состояние отсутствия обозначаемой понятием сущности. Так, суть власти легче представить себе, вообразив состояние безвластия. Ужас этого состояния таков, что в периоды смут большинство сдвигается к поддержке той политической силы, которая проявляет способность восстановить власть и порядок.

Историческая иллюстрация

В сентябре 1917 г. в Петрограде в театре по ходу пьесы на сцене появились пристав и городской. Публика стала аплодировать – натерпелась от безвластия Временного правительства. Во многом по этой же причине крестьяне и обыватели через год Гражданской войны поддержали красных, которые первым делом восстанавливали систему власти, в том числе проводя продразверстку (которую объявило, но не смогло провести ни царское, ни Временное правительство). Белое движение, приняв принцип «непредрешенчества», не вело государственного строительства на местах.

В Древней Греции понятию «архе» (власти) противопоставлялось начало «анархе» (безвластия) как символа общественного устройства, в котором отсутствуют всякая власть, господство и принуждение. Это слово употреблялось с отрицательным оттенком. Считалось самоочевидным, что человеческое общежитие всегда нуждается в «архе» – властном начале, способном укротить стихийные импульсы людей и обеспечить порядок.

Важно!

Под властью подразумевается способность ее субъекта (монарха, группы олигархов, организации типа хунты, правящей партии, институализированного правового государства) навязать свое господство людям, группам, классам, обществу в целом.

Другими словами, управлять их действиями с помощью насильственных или ненасильственных методов. Власть – одна из ключевых составляющих всей сферы политического. Современное государство есть одновременно и арена политической борьбы за власть, и ее средоточие («ставка власти»). Суверенная власть – власть государства – на своей территории не зависит от какой-либо иной власти, наоборот, все остальные власти зависят от нее и получают от нее мандат на властвование.

§ 2. Власть как система отношений

Власть представляет собой систему отношений господства и подчинения, главная цель которой состоит в обеспечении выполнения директивы, приказа, воли и т.д. с помощью влияния, авторитета, разного рода санкций и прямого насилия. Задача власти – обеспечить реализацию целей управления, добиться подчинения управляемых.

В системе ресурсов, которыми пользуется власть, одними из важнейших являются политическое влияние и политический авторитет (во многих языках авторитет и власть обозначаются одним и тем же словом). Обретение или утрата авторитета власти – один из критических процессов в политике и один из центральных предметов политологии.

Политический авторитет не означает необходимости обладания властью, но власть без авторитета бессильна. Люди могут подчиняться призывам или даже приказам лиц или организаций, если считают, что они имеют на то моральное право, обладают особым знанием и опытом, являются носителями традиции.

Важно!

Влияние – обобщающее понятие, оно объединяет все формы убеждения, давления, принуждения и т.д. Они различаются по своей природе и по интенсивности. Так, принуждение как форма влияния выделяется высокой степенью оказываемого давления разных типов – от экономического, социального, психологического или иного запугивания до применения насилия. Власть отличается от других форм влияния тем, что она опирается на санкции. Влияние иных типов предполагает, что лицо – объект влияния – может модифицировать свое поведение исходя из расчета, что его интересы могут быть удовлетворены лучше, если он подчинится этому влиянию.

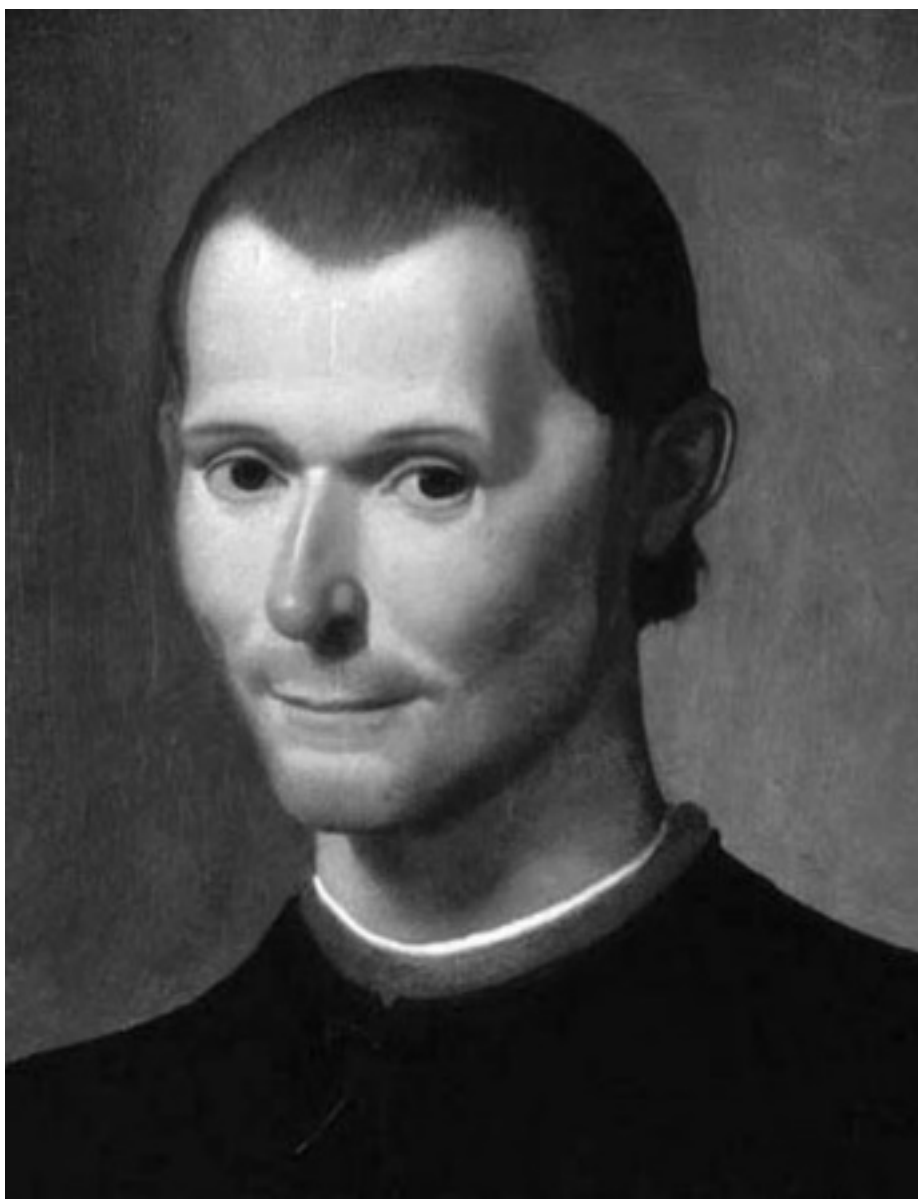
Государство обладает публичной властью, т.е. имеет право и обязано отдавать приказы и принуждать повиноваться этим приказам. Целостная система власти включает ряд подсистем – правовую, административно-управленческую, военную и правоохранительную, воспитательно-образовательную и другие, в которых устанавливаются характерные для каждой из них отношения. В то же время власть, даже включая самодержавную, подчиняется праву, которое может быть «записано» в разных терминах, но определяет пределы власти и ее обязанности. Власть, сверх меры пренебрегающая этими пределами и не выполняющая своих обязанностей, очень недолговечна.

Любая властная система, в той или иной степени основана на насилии. Неотъемлемым атрибутом власти являются санкции, наказания, в том числе физическое принуждение. Все современные политические системы, которые провозглашают себя или даже считаются общепризнано демократическими и правовыми, формировались с помощью насилия. Объединение земель, интеграция этнических групп в нации, лишение королей права на власть, разделение властей были предметами ожесточенной борьбы между противоборствующими группами,

сословиями, династиями. Очень часто власть становилась результатом узурпации, брато– и отцеубийства, государственного переворота или других преступлений и беззаконий – и общество с этим часто мирилось как с меньшим злом, нежели смутой.

Важно!

Уже Никколо Макиавелли первым из теоретиков государства заявил, что власть держится на силе и согласии («макиавеллиевский кентавр»). Она сильна и дееспособна не тогда, когда сразу прибегает к силе, а когда убеждением и практикой добивается согласия граждан с тем, что ее политика отвечает критериям общего блага или как минимум является меньшим злом. Политическое насилие со стороны власти всегда создает риск ответного политического насилия, и подобный конфликт может войти в режим воспроизводства цепного характера³.

Из истории политической науки

Никколо Макиавелли (1469—1527)

Флорентийский мыслитель и политический деятель. Один из основателей традиции политического реализма

Основные сочинения: «Государь» (опубл. ок. 1532), «Размышления о первой декаде Тита Ливия» (опубл. в 1531), «История Флоренции» (1520—1525)

Разумеется, власть отнюдь не сводится к функции насилия. Власть, обладая множеством рычагов и механизмов управления, организует усилия всего общества и его институтов для жизнеобеспечения населения и развития страны или как минимум создает для менее привилегированных групп условия для самоорганизации. Для какой-то части населения решения власти по распределению благ и тягот представляются несправедливыми, но до какого-то предела люди и эту несправедливость терпят ради других функций, которые выполняет власть в интересах и этой части. В целом трактовка намерений и решений власти всегда связана с субъективными позициями разных социальных групп или организаций и лиц, выражающих их интересы. Надо также учитывать, что и власть реализуется в коллективной деятельности довольно большого числа людей (субъектов властных отношений), и с этой точки зрения она есть социальный институт, на котором сказываются интересы и ценности этой группы.

Цитата

Если бы власть имела только функцию подавления, если бы она действовала по образцу цензуры, исключения, преграждения, вытеснения в духе какого-то большого Сверх-Я, если бы она осуществлялась только негативным способом, то она оказалась бы очень хрупкой. Но коль скоро она сильна, то это потому, что она производит позитивные воздействия на уровне желания (это уже начинают осознавать), а также на уровне знания...

Глубокая укорененность власти, трудности, какие мы испытываем, пытаясь от нее избавиться, обусловлены всеми этими связями. Вот почему представление о подавлении, к которому обычно сводят все механизмы власти, кажется мне чрезвычайно неудовлетворительным и, возможно, даже опасным.

М. Фуко. Интеллектуалы и власть:

Избранные политические статьи, выступления и интервью

§ 3. Типы власти

Государство действует, нащупывая единство или приемлемый баланс всеобщего и частного интереса. Очевидно, что при этом начало свободы и прав – как групповых, так и личных – ограничивается началом обязанности и ответственности. Власть обязывает и принуждает граждан и их общности действовать не только в личных и групповых интересах, но и во имя общего блага, преследовать не только частные цели, но и общественные.

Важно!

Из этого следует, что власть проявляется не только в насилии, но также в различных динамичных формах зависимости, независимости и взаимозависимости между человеком и человеком, личностью и обществом, социальными группами, классами, государствами, блоками государств.

В древности власть принуждала граждан даже с оружием в руках защищать интересы своей группы во внутренних распрях. Это было отражено в формальном праве. Аристотель писал в «Афинской политике»: «Видя, что в государстве часто происходят смуты, а из граждан некоторые по беспечности мирятся со всем, что бы ни происходило, Солон издал относительно их особый закон: “Кто во время смуты в государстве не станет с оружием в руках ни за тех ни за других, тот предается бесчестию и лишается гражданских прав”».

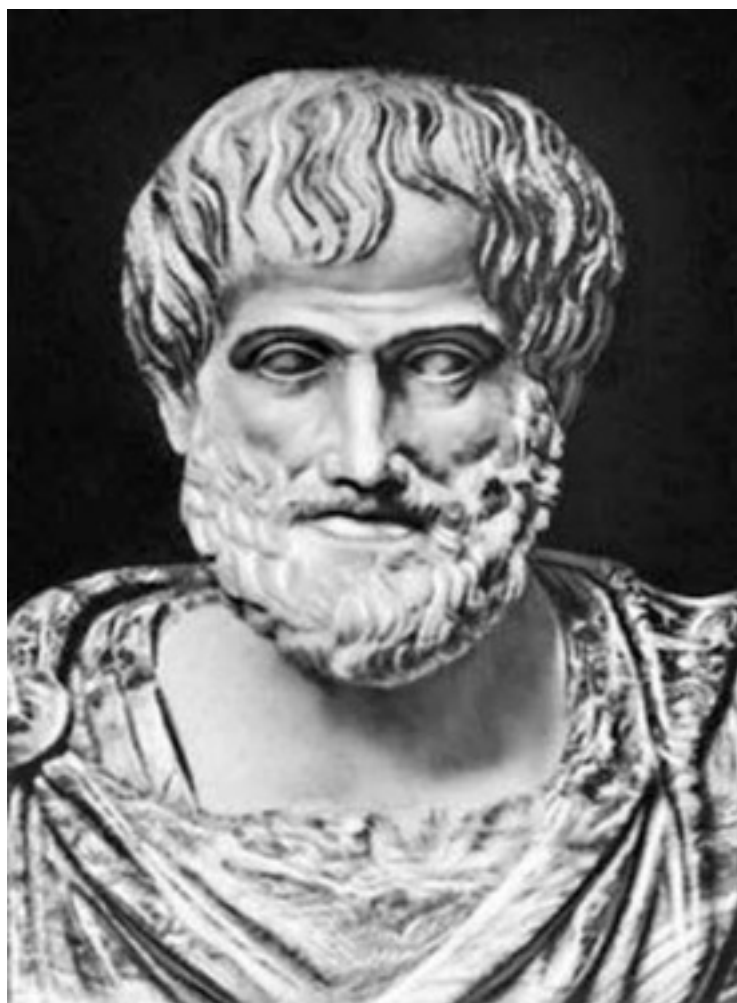
Плутарх тоже отмечает этот момент в законах Солона.

Цитата

Он хочет, как кажется, чтобы никто не относился равнодушно и безучастно к общим интересам, оградив от опасности личное достояние и отговариваясь тем, что не разделяет горя и страданий своей родины; он хочет, чтобы всякий немедленно примкнул к тем, которые преследуют лучшие и более справедливые цели, делил с ними опасности и помогал им, а не выждал в безопасности того, что предпринянут победители⁴.

Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Солон

Из истории политической науки

Аристотель (384—322 до н.э.)

Древнегреческий философ-натуралист, ученик Платона, учитель Александра Македонского, основоположник формальной логики

Основные сочинения: «Политика», «Риторика», «Афинская полития»

Плутарх (ок. 45 – ок. 127)

Древнегреческий философ, историк, биограф

Основные сочинения: «Сравнительные жизнеописания», «Моралии»

Легко видеть и связь власти с политикой, поскольку власть, осуществляемая государством, его институтами и должностными лицами, является политической властью. Государство – главный и единственный носитель политической власти. Но нельзя упускать из виду важный факт: политическая власть – не единственный тип власти. Рядом с ней и зачастую в противовес ей существует множество других источников и форм власти и авторитета. Одни из них усиливают политическую власть государства, другие, напротив, уравновешивают и ограничивают ее или даже угрожают ей. Это власть и авторитет традиции и обычая, разного рода организаций, объединений, таких институтов, как церковь, семья, школа и университеты, частный капитал и профсоюзы, СМИ и т.д.

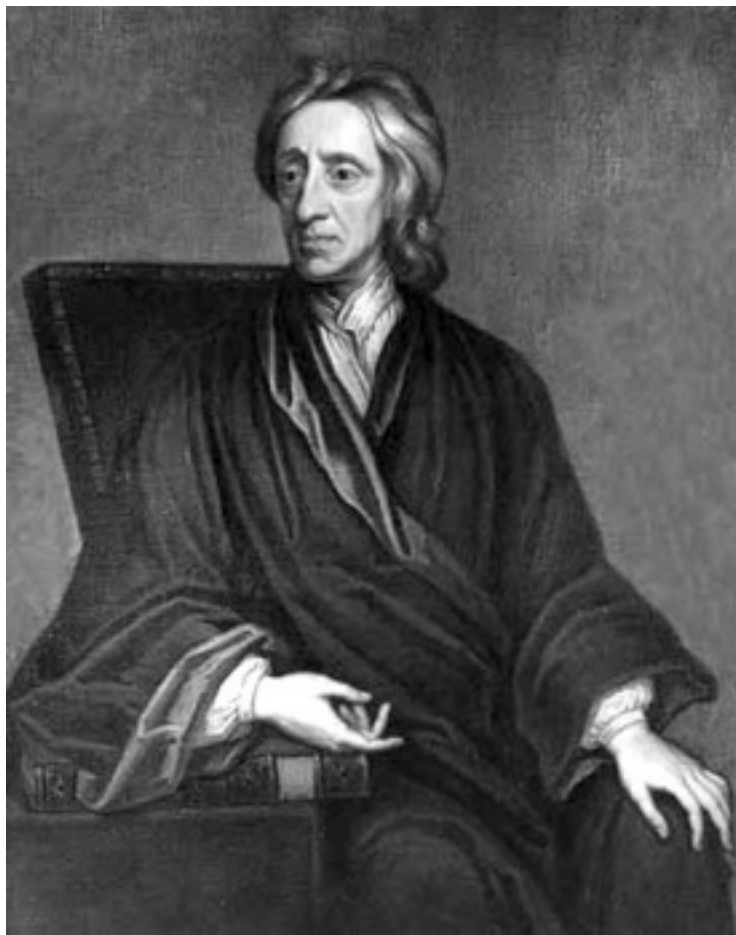
Эти виды власти часто недооцениваются и политиками и гражданами, что приводит к деформации представлений о политической реальности. М. Фуко в своих трудах анализирует институты, властное воздействие которых на граждан кажется очевидным, но не замечается (например, властные отношения учителя с учеником или врача с пациентом). Он настойчиво подчеркивает это обстоятельство: «Одна из первейших вещей, которую необходимо понять, это то, что власть не располагается в государственном аппарате и что в самом обществе ничего не изменится, если механизмы власти, которые действуют за пределами государственных аппаратов, под ними, рядом с ними, на намного более низком уровне, на уровне обыденном, не будут изменены».

После плодотворной концепции культурной гегемонии (А. Грамши) как условия прочности власти (эта концепция делала акцент на общественном сознании) важные положения высказал М. Фуко в концепции биовласти. Неотчуждаемым правом личности стала неприкосновенность его тела. Например, был наложен запрет на пытки и телесные наказания – широко применяемые ранее способы властного насилия. На индейцев и африканцев понятие прав

человека не распространялось, и, как подметил в США А. де Токвиль, их подвергали насилию, «нисколько не отступая от своих гуманистических принципов».

Надо, однако, учесть, что идеология социал-дарвинизма и евроцентризма позволяла гражданскому обществу без всяких моральных проблем триста лет использовать рабство в США. Основатель теории гражданского общества английский философ Джон Локк был автором Конституции рабовладельческого штата Каролина, одна из статей которой гласила: «Каждый свободный человек Каролины обладает абсолютной властью над своими черными рабами».

Из истории политической науки

Джон Локк (1632—1704)

Английский философ-сенсуалист, один из основоположников либеральной традиции в истории мысли

Основные сочинения: «Два трактата о правлении» (1689), «Опыт о человеческом разуме» (1689), «Элементы натуральной философии»

Обоснование рабства, которое сформулировал Локк, было настолько жестким и абсолютным, что, как пишут, «оправдание рабству, которое за две тысячи лет до Локка давал Аристотель, кажутся отеческим напутствием». Локк считал, что «гражданское общество» имеет естественное право вести войну против тех, кто «не обладает разумом», обращать их в рабство и экспроприировать их богатство в уплату за военные расходы. Эти рассуждения вспомнили потому, что ими буквально оправдывалась война против Ирака. Локк вложил свои сбережения

в акции Королевской Африканской компании, которая занималась работоторговлей. Никаких моральных сомнений не испытывал и французский просветитель Монтескьё, когда вкладывал свои деньги в прибыльную работоторговлю.

Цитата

Сахар был бы слишком дорог, если бы не использовался труд рабов. Эти рабы – черные с головы до ног, и у них такой приплюснутый нос, что почти невозможно испытывать к ним жалость. Немыслимо, чтобы Бог, существо исключительно умное, вложил бы душу, тем более добрую душу, в совершенно черное тело.

Ш.Л. Монтескьё. О духе законов

Из истории политической науки

Шарль Луи де Монтескьё (1689—1755)

Французский философ и писатель, один из основоположников доктрины разделения властей

Основные сочинения: «Персидские письма» (1721), «Размышления о причинах величия и падения римлян» (1734),

«О духе законов» (1748)

В политологии ограничению власти современного (западного) государства в применении насилия придается большое значение, но этим не исчерпывается проблема власти над телом

индивида. Например, с биовластью связаны проблемы рождаемости и смертности, эвтаназии и проституции, принципы здравоохранения и лечения. М. Фуко даже высказал такой афоризм, задающий критерий различения политических систем: «Тоталитаризм обязывает жить, а демократия разрешает умирать».

Цитата

Я задаюсь вопросом, не оказались бы мы большими материалистами, изучая вопрос о теле и властных воздействиях на него перед тем, как ставить вопрос об идеологии. Ибо в исследованиях, которые на первое место ставят идеологию, меня смущает то, что в них всегда предполагается данным человеческий субъект, образец которого нам дала классическая философия и который будто бы наделен сознанием, которым-то и завладевает приходящая власть.

М. Фуко. Интеллектуалы и власть. Избранные

политические статьи, выступления и интервью

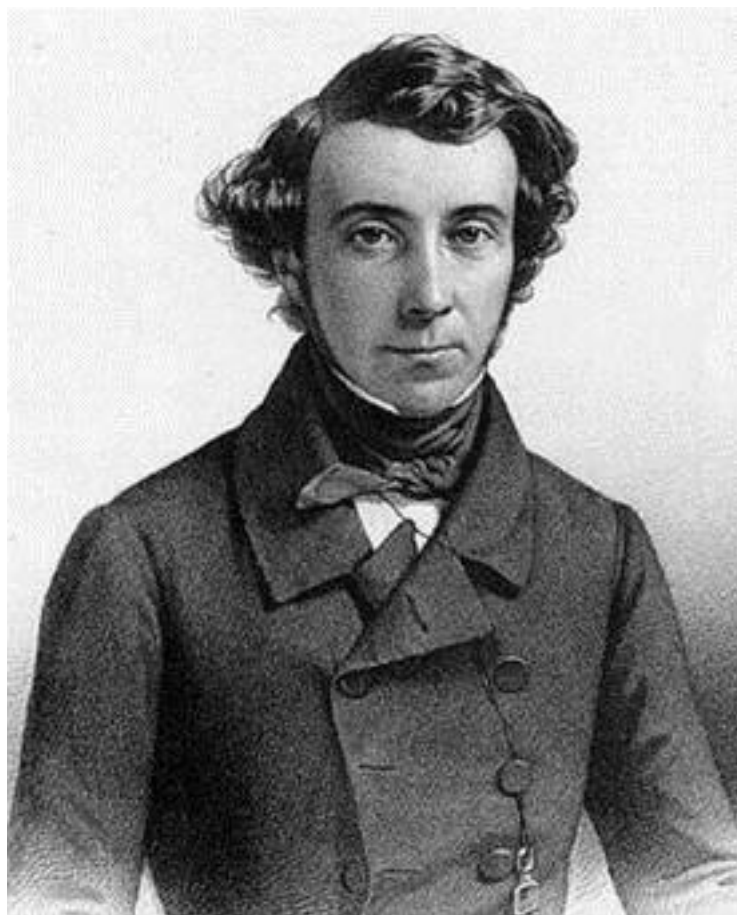
§ 4. Власть между правом и эффективностью

Прочность власти зависит как от ее законности, так и от ее эффективности. Здесь неразрешенное диалектическое противоречие политической философии и соответственно политологии. Проблема в том, что при осмыслении вариантов политических решений приходится постоянно находить баланс между несоизмеримыми ценностями. Например, А. де Токвиль писал: «Мой вкус подсказывает мне: люби свободу, а инстинкт советует: люби равенство». Свобода и равенство – ценности несоизмеримые.

Историческая иллюстрация

Красноречивы философские дебаты на эту тему в конце 1980-х годов, когда видные представители гуманитарной элиты СССР сделали радикальный выбор в пользу свободы, представив ценность равенства как приверженность тоталитаризму. О проблеме согласования этих несоизмеримых ценностей в этих дебатах не было и речи.

Из истории политической науки

Алексис де Токвиль (1805—1859)

Французский мыслитель и политический деятель, министр иностранных дел Франции (1849)

Основные сочинения: «Демократия в Америке. 2 тома» (1835, 1840), «Старый порядок и революция» (1856)

В политической философии либерализма эта проблема рассматривается в свете нравственного реализма, и выход видится в объективном плюрализме ценностей. Эта концепция приводит к пессимистическому выводу: «в определенной ситуации не существует пристойного, честного и адекватного решения». Это значит, что власть часто оказывается перед тяжелым выбором между правом и эффективностью.

Важно!

Апелляция к неким «общечеловеческим ценностям» является демагогической. В длительных попытках составить перечень общечеловеческих ценностей удалось лишь выделить некоторый набор чаще всего присущих людям ценностей – так называемый универсальный минимум. Это понятие реалистичное.

Цитата

Среди многих режимов или форм жизни, удовлетворяющих универсальному минимуму нравственных принципов, конфликты между несоизмеримыми принципами в рамках универсального минимума будут разрешаться различными способами, исходя из различных культурных традиций. А поскольку универсальный минимум ни в одном из своих вариантов не предопределяет какую-либо из либеральных форм жизни, многие режимы, удовлетворяющие

критериям универсального минимума, – возможно, подавляющее большинство режимов в истории человечества – не будут либеральными режимами. Эту истину отрицает классический либерализм, все разновидности которого утверждают, что требования справедливости в их либеральном понимании входят в рамки универсального минимума

Дж. Грей. Поминки по Просвещению
Из истории политической науки

Джон Грей (1948 – н.в.)

Британский политический философ, специалист в области аналитической философии и истории политической мысли.

Основные сочинения: «Либерализмы: очерки по политической философии» (1986), «Поминки по Просвещению: политика и культура на закате современности» (1995), «Ложный рассвет: иллюзии глобального капитализма» (1998)

Теракт в Нью-Йорке 11 сентября 2001 г. стал важным экспериментом, который высветил внутреннюю слабость мировоззренческой основы западной демократии, которая, как предполагалось, включала в себя ценности гуманизма и прав человека. После этого теракта в массовом сознании произошло оправдание («амнистия») государственного терроризма США, проводимого по всему миру, общество даже склонялось к принятию идеи легализовать пытки. Оказалось, что культура гражданского общества совместима с применением пытки человека как источника информации.

В «развитых демократических странах» нарушения закона и прав человека вовсе не редкие эксцессы. Красноречиво недавнее событие – конфискация части депозитов, хранящихся

в банках Кипра, для покрытия государственного долга. Это акция незаконной конфискации частной собственности, «священной и неприкосновенной». Она важна как прецедент, который в США и Европе может стать нормой.

Мы видим, что в государствах «демократии и частной собственности» власть все легче и легче нарушает закон и права человека. После краха СССР на Западе идет быстрое переформатирование политических и правовых систем.

§ 5. Формальные и неформальные структуры власти

В современном государстве (т.е. государстве западного типа) политическая власть разделена на компоненты, которые призваны уравновешивать друг друга изнутри. Считается, что так складывается система конкурирующих между собой центров власти, служащих в качестве сдержек и противовесов, обеспечивающих «равновесие власти». Принцип разделения власти делит ее на три главные ветви – законодательную, исполнительную и судебную.

Важно!

Известно, однако, что институты государства, в том числе политической власти, не охватывают своими нормами и формальными полномочиями всю деятельность государства и отношения между субъектами власти и управления. Никакая организация не может функционировать без наличия неформальной структуры отношений. Так же и система государственной власти в своей деятельности использует как формально ограниченные полномочия, так и неформальные рычаги. Вес тех и других определить трудно, некоторые политологи считают, что мощностю неформальной структуры больше.

При этом судить о балансе влияния этих двух структур по номинальной квалификации государства (демократического, авторитарного, тоталитарного и пр.) нет оснований. В каждом конкретном случае требуется исследование всей политической системы и политической культуры общества.

Цитата

Ни одно общество не потерпит абсолютную свободу (даже свободу слова) и ни одно общество не сведет ее до нуля. Разница между режимами состоит только в степени свободы. Надо бы только добавить, что различия режимов состоят не только (и не столько) в «количестве» свободы, сколько в структуре свобод и несвобод.

Й. Шумпетер. Капитализм, социализм и демократия

Из истории политической науки

Йозеф Шумпетер (1883—1950)

Известный экономист и историк экономической мысли, представитель австрийской экономической школы

Основные сочинения: «Теория экономического развития» (1910), «Капитализм, социализм и демократия» (1942), «История экономического анализа» (посмертно опубликовано в 1954)

Историческая иллюстрация

Еще в 1960—1970-е годы фактическая власть в США опиралась на несколько сетей неформальных связей финансовой, промышленной, военной, политической и научной элиты. Узлами этих сетей служили закрытые клубы и масонские ложи. Очень большая часть ведущих политиков США обучались, защищали диссертации или преподавали в одном из университетов, входящих в «Лигу плюща» (восемь старейших и наиболее престижных университетов США), и тесно сотрудничали друг с другом независимо от занимаемого поста. Если по какому-то принципиальному вопросу ведущие группы элиты не могли прийти к соглашению, возникала угроза даже жизни президента, несмотря на разделение властей.

Как говорят, во власти всегда есть бесправие, а в праве – безвластие. Поэтому разделение властей всегда неполно и даже условно. Ветви власти не просто взаимно дополняют друг друга, но и переплетены.

В заключение надо заметить, что факт наличия в системе власти формальной и неформальной структур, а также факт несоизмеримости и часто несовместимости оснований для принятия политических решений создают принципиальные трудности в исследовании власти – ее система в большой степени непрозрачна.

Немецкий философ и писатель Э. Канетти, оставивший огромный «труд целой жизни» – трактат «Масса и власть» (1960), уделяет особое внимание маске как инструменту власти, которым она воздействует на сознание через воображение.

Цитата

Маска воздействует в основном вовне. Она неприкосновенна и устанавливает дистанцию... Сразу за маской начинается тайна. В острых ситуациях, то есть когда маска воспринимается всерьез, человеку не положено знать, что за ней скрывается. Она многое выражает, но еще больше скрывает. Она представляет собой раздел: скрывая за собой опасность, которую не положено знать, препятствуя установлению доверительных отношений, она приближается к человеку вплотную, однако именно в этой близости остается резко от него отделенной. Она угрожает тайной, сгущающейся за нею. Поскольку ее нельзя прочесть, как подвижное человеческое лицо, человек гадает и пугается неизвестного...

Никто не смеет ее тронуть. Смертью карается срывание маски кем-то другим. Пока она активна, она неприкосновенна, неуязвима, священна. Определенность маски, ее ясность заряжена неопределенностью. Власть ее в том и заключается, что она в точности известна, но непонятно, что она в себе таит.

Э. Канетти. Превращение

Все это связано с важным действием в политическом театре – превращением. Канетти пишет о правителе-манипуляторе: «Превращения, совершаемые не им самим, ему невыносимы. Он может возносить на высокие посты людей, бывших ему полезными, однако эти осуществляемые им социальные превращения должны быть четко определенными, ограниченными и оставаться полностью в его власти. Возвышая и унижая, он дает установление, и никто не может отважиться на превращение по собственному почину. Властитель ведет нескончаемую борьбу против спонтанных и неконтролируемых превращений. Разоблачение – средство, используемое им в этой борьбе».

Из истории политической науки

Элиас Канетти (1905—1994)

Известный культуролог и писатель, лауреат Нобелевской премии по литературе (1981)

Основные сочинения: «Ослепление» (1935), «Масса и власть» (1962), «Провинция чело- века» (1973)

Экономоцентрические учения (марксизм и в большой мере либерализм) упрощали феномен власти, представляя ее как регулятор в основном экономических отношений, движимых интересом. Плохо понятый выброс духовной энергии в проекте фашизма, а затем кризис СССР и последовавший за ним кризис западного капитализма поставили новые проблемы изучения власти.

К этому можно добавить идею М. Фуко о том, что политическая власть государства продолжается в большом числе негосударственных сетей отношений разного типа и разных конфигураций. В особенности это относится к незападным государствам или тем западным гражданским обществам, которые претерпели аномальную деформацию, свидетелями чего нам, вероятно, еще придется стать.

Эта концепция еще ждет своей разработки. Методологическое обновление политологии – задача, которая ляжет на плечи нынешних студентов и выпускников.

Основные выводы

Власть и господство – неизбежный атрибут любого человеческого сообщества.

Власть – одна из ключевых составляющих всей сферы политического. Современное государство есть одновременно и арена политической борьбы за власть, и ее средоточие («ставка власти»).

Любая властная система в той или иной степени основана на насилии. Неотъемлемым атрибутом власти являются санкции, наказания, в том числе физическое принуждение.

Власть представляет собой систему отношений господства и подчинения, главная цель которой состоит в обеспечении выполнения директивы, приказа, воли и т.д. с помощью влияния, авторитета, разного рода санкций и прямого насилия

Рядом с политической властью и зачастую в противовес ей существует множество других источников и форм власти и авторитета. Одни из них усиливают политическую власть государства, другие, напротив, уравнивают и ограничивают ее или даже угрожают ей.

При изучении политической власти необходимо обращать внимание на те воздействия, которые власть оказывает непосредственно на тело человека. Совокупность же таких воздействий вслед за М. Фуко именуется биовластью.

Прочность власти зависит как от ее законности, так и от ее эффективности. В силу этого существует неразрешенное диалектическое противоречие политической философии и соответственно политологии. Проблема в том, что при осмыслении вариантов политических решений приходится постоянно находить баланс между несоизмеримыми ценностями.

Институты государства, в том числе и политическая власть, не охватывают своими нормами и формальными полномочиями всей деятельности государства и отношений между субъектами власти и управления. Никакая организация не может функционировать без наличия неформальной структуры отношений.

Факт наличия в системе власти формальной и неформальной структур, а также факт несоизмеримости и часто несовместимости оснований для принятия политических решений, создают принципиальные трудности в исследовании власти – ее система в большой степени непрозрачна.

Контрольные вопросы

Охарактеризуйте власть и безвластие. Каковы подходы к определению и содержанию этих понятий?

Каковы основные средства обеспечения властвования (господства) и каково их соотношение?

Какую роль играет неформальная структура отношений в политике и управлении? Как распределена власть в структурах и порах общества?

Дополнительная литература

Власть: Очерки современной политической философии Запада / А.Л. Алюшин, Ю.М. Батулин, В.В. Мшвеннерадзе. М., 1989.

Жувеналь Б. де. Власть. Естественная история ее возрастания. М., 2010.

Сенокосов Ю.П. Власть как проблема. Опыт философского рассмотрения. М., 2005.

Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. М., 2002.

Шайхутдинов Р. Современный политик: охота на власть. М., 2006.

Глава 2. Государство

§ 1. Государство как форма организации

общественной жизни

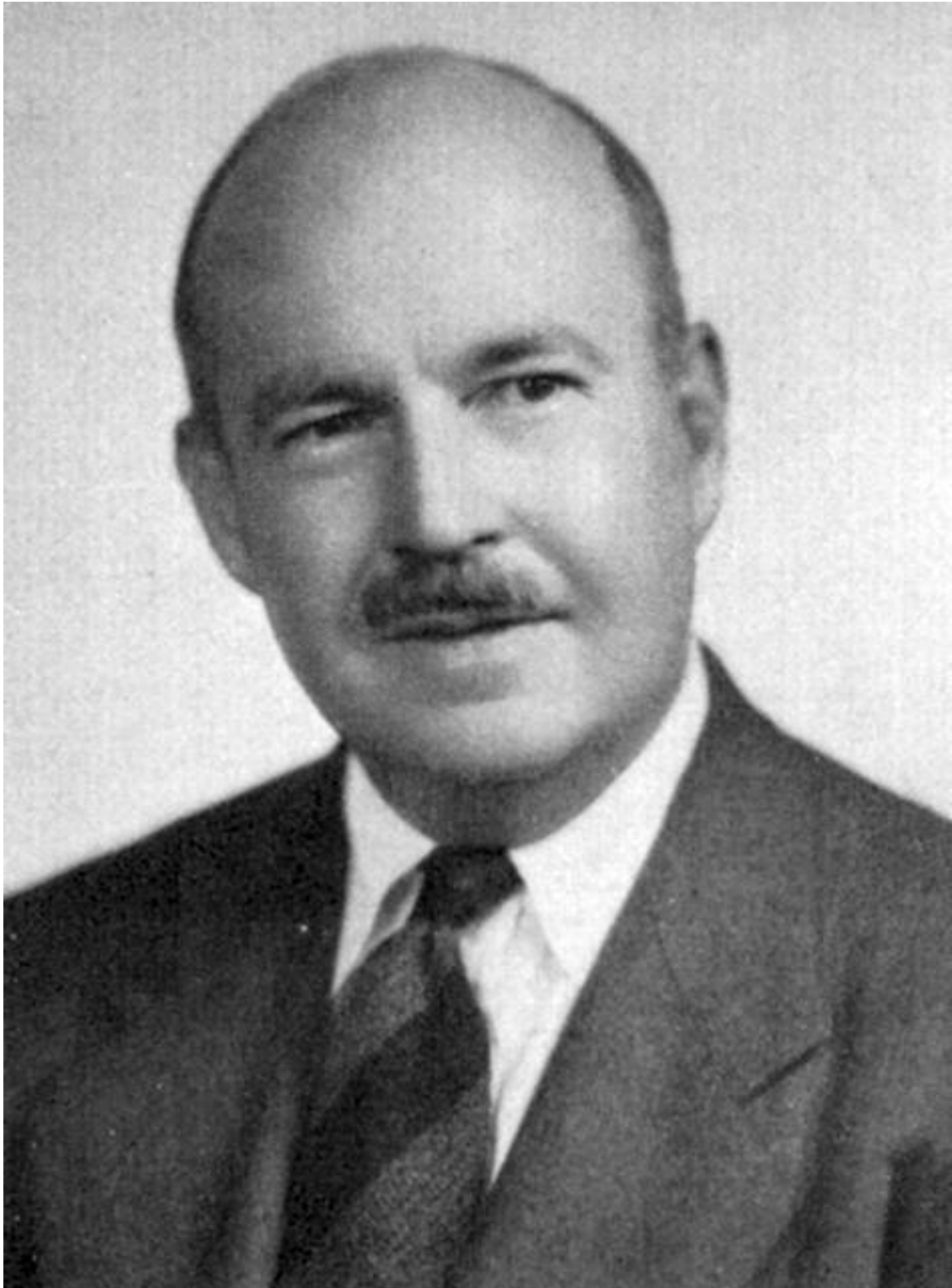
Государство и власть – ядро, вокруг которого объединяются все составляющие сферы политического. Понятие «государство» как политически организованное общество возникло в период Возрождения, на заре Нового времени. Оно произошло от латинского слова status. Мы и говорим о современном государстве, сложившемся в Новое время в Западной Европе, политические институты которого затем были освоены и адаптированы в ходе модернизации и в незападных странах.

Важно!

Государство – ядро сферы политики, ступок общественных отношений и главная сила, которая эти отношения регулирует. Оно связывает политические и управленческие институты в единую систему, словом и делом влияет на все стороны жизни личности, общества и народа. Государство – понятие многомерное, ему нельзя дать замкнутого определения, его можно дополнять и дополнять содержательными примерами соответственно тем граням общественного бытия, на которые воздействует государство.

Человек видит государство как ступок общественных отношений и силу, которая эти отношения регулирует. Государство организует эти отношения на территории, на которую простирается его суверенная власть. Само понятие политической власти в Новое время отождествляется с отправлением власти на определенной территории. Территория государства – стратегический ресурс, который, как считают многие, по значимости превосходит все остальные ресурсы. Т. Парсонс сформулировал «фундаментальный императив относительного единства управленческих институтов». Он, в частности, подчеркнул: «Осуществление нормативного порядка среди коллективно организованного населения влечет за собой контроль над территорией». Говоря о государстве, имеют в виду границы, отделяющие его территорию от других государств. Со времени Вестфальского мира 1648 г. территориальные границы государств считались священными и неприкосновенными. Сейчас, после краха советского блока, западные державы шаг за шагом размывают принцип суверенитета.

Из истории политической науки

Толкотт Парсонс (1902—1979)

Американский социолог, один из создателей современной теоретической социологии, ведущий представитель школы структурного функционализма.

Основные сочинения: «Социальная система» (1951), «Социологическая теория и современное общество» (1968), «Политика и социальная структура» (1969), «Система современных обществ» (1971)

Важно!

Политическая организация современного мира базируется прежде всего на разделении стран по территориальному принципу. Государства представляют собой конкретные политические образования в отличие от цивилизации или мирового сообщества, которые не имеют собственных границ, пределов юрисдикции, официальных институтов и руководителей, полномочных принимать решения и реализовать их, и т.д.

Всеми этими атрибутами располагает национальное государство, которое обладает законными полномочиями и средствами мобилизовать своих граждан, собирать с них налоги, наказывать врагов и награждать друзей, объявлять и вести войны и многое, многое другое, что не под силу цивилизации или тому или иному культурному кругу.

Государство объединяет на своей территории людей гражданством поверх групповых партикулярных связей (классовых, этнических и др.). Все граждане в чистой модели «государства модерна» равны в их правовой связи человека с государством.

Важно!

Конечно, в реальности чистых моделей нет, в самых «продвинутых» государствах модерна (например, США) и сегодня есть много пережитков традиционализма, а также происходят откаты в архаику – и в расовых, и в социальных, и культурных отношениях. Ситуация усложняется из-за наступления постмодерна, который разрушает политические институты, сконструированные Просвещением.

В постсоветской России, где предполагается осуществить новый виток модернизации, политолог должен, исходя из чистых моделей модерна и традиционализма, учитывать интервенцию постмодерна. Методология российской политологии не может опираться на диалектику (она, впрочем, на нее и не опиралась) – ей приходится искать путь к синтезу противоречия трех начал.

Государство принимает законы и другие нормативные акты. Они имеют обязательный характер, и государство обеспечивает их выполнение всеми находящимися в его распоряжении методами, включая насилие. Государству принадлежит монополия на законодательство и принуждение к исполнению законов.

Для реализации своих целей и решения возникающих задач государство создает свой аппарат – коллективы людей, профессионально занятых выявлением общественных потребностей, ценностей и интересов, проведением государственно-правовых установлений (норм) в жизнь. Для выполнения своих функций аппарат обеспечивается соответствующими средствами. Возникновение структурированного аппарата с разделением функций происходило с появлением первых зачатков государства с укрупнением человеческих общностей.

§ 2. Протогосударство

Уже превращение родов и родственных кланов в более жестко связанную этническую общность (племя) требовало управления с более сложной структурой – протогосударства. Это было возможным благодаря формированию религиозного сознания и коллективных представлений о мире, социальных и культурных норм, на базе чего возникала солидарность людей и групп.

Историк древнего Востока Л.С. Васильев так представляет этот процесс: «Социологи и антропологи подвергли обстоятельному анализу феномен механической солидарности разраставшихся на основе сегментации семейно-клановых групп многочисленных родственных кланов в зоне обитания данной этнической общности. Базирующаяся на общности происхождения, культуры, языка, спаянная ритуальными нормами (обряды инициации, мужские дома, празднества) и легендарно-мифологической традицией, такого рода общность, обычно всегда именовавшаяся племенем, подчас исчисляется сотнями тысяч. Именно в ее недрах фиксируется солидарность, которая реализуется автоматически».

Чтобы племя развивалось, создавая основу для возникновения народа, требовалась уже государственная власть с ее жрецами, религиозными культами, границами и войском.

Цитата

Укрупненная система мелких первичных протогосударств – это сложное или составное протогосударство, имеющее иерархическую внутреннюю структуру и знакомое с определенным количеством оторванных от сельскохозяйственного производства групп администраторов, воинов, жрецов и обслуживающего верхи персонала (слуги, рабы, ремесленники). Администраторы – это общинная выборная верхушка; воины – это группа профессионалов-дружинников, всегда готовая повести за собой всех остальных, способных носить оружие. Слуги и рабы принадлежат к числу неравноправных чужаков, чаще всего захваченных в ходе войн. Из их же числа, а также из числа собственных мастеров, если они имелись в коллективе, формируются профессионалы-ремесленники, прежде всего металлурги-кузнецы, продукт труда которых становится особенно важным с момента, когда неолитические коллективы вступают в век бронзы. Но едва ли не наиболее важной прослойкой в формирующемся протогосударстве всегда были жрецы. Во всяком случае глава протогосударства часто одновременно был высшим жрецом-первосвященником.

Л.В. Васильев. История Востока. Т. 1

Обладание государственностью становилось важным политическим ресурсом общности. Это было доводом в пользу того, что этнос, создавший государство, является более древним, что он раньше других этносов занял и освоил данную территорию, что это его «родная земля», что именно он и является коренным народом на этой земле и имеет на нее особые права. Спор об исторической государственности нередко становится предметом острых разногласий даже в наше время.

Служащие и чиновники государственного аппарата, обеспечивающие его функционирование, играли важную роль уже в древних государствах – Египте, Римской империи, особенно в Китае, где Конфуций доработал изошренную бюрократическую систему. Однако в государствах древности не было государственной администрации в строгом смысле слова, поскольку чиновники получали вознаграждение натурой и зависели от местных источников благ. М. Вебер связывал возникновение современного государства с формированием бюрократического аппарата и класса чиновников, оплачиваемых из государственной казны, работающих полный рабочий день и имеющих строго определенную перспективу продвижения по службе.

Современный аппарат государственно-административного управления действует по рационально разработанным формальным нормам и правилам и имеет постоянный характер. В отличие от политиков в высших органах государственной власти бюрократы – профессионалы. Они продолжают выполнять свои функции независимо от правительственных кризисов или досрочных выборов. Костяк системы государственно-административного управления представляет собой стабильный контингент лиц. Поэтому чиновничество в современном государстве стало влиятельной силой, обладающей большим объемом конкретной информации и в значительной мере независимой от правительства и выборных органов власти.

§ 3. Государственный суверенитет

Государство обладает суверенной властью, это основополагающий критерий, необходимый атрибут современного государства. Государству всецело и исключительно принадлежит верховная власть над всеми другими формами и проявлениями власти на всей территории данного государства.

Важно!

Суверенитет – условие единения, самоопределения и эффективности властной системы.

В древности и в Средние века, когда религия была господствующей формой общественного сознания, источником верховной власти в государстве считалась божественная воля. Однако уже в античности высказывались идеи, что власть коренится в воле народа, что семья

как структурная единица общества первична по отношению к государству. Эти представления были развиты в Новое время. Государственная власть стала рассматриваться как результат добровольного договора, заключенного людьми «ради права и общей пользы».

В основании этого представления о государстве лежит понятия «естественный человек». Т. Гоббс писал, что природное, врожденное свойство «естественного» человека – подавлять и экспроприировать другого человека: «Природа дала каждому право на все. Это значит, что в чисто естественном состоянии, или до того, как люди связали друг друга какими-либо договорами, каждому было позволено делать все, что ему угодно и против кого угодно, а также владеть и пользоваться всем, что он хотел и мог обрести».

Таким образом, естественное состояние для человека – война всех против всех (*bellum omnium contra omnes*). В условиях цивилизации (гражданского общества) по общему договору эта война вводится в рамки закона и учреждается мощное государство («Левиафан», или земной «смертный» Бог), способное всех заставить выполнять нормы закона.

Американский антрополог М. Салинс пишет: «Гоббсово видение человека в естественном состоянии является исходным мифом западного капитализма. В сравнении с исходными мифами всех иных обществ миф Гоббса обладает совершенно необычной структурой, которая воздействует на наше представление о нас самих. Насколько я знаю, мы – единственное общество на Земле, которое считает, что возникло из дикости, ассоциирующейся с безжалостной природой. Все остальные общества верят, что произошли от богов... Судя по социальной практике, это вполне может рассматриваться как непредвзятое признание различий, которые существуют между нами и остальным человечеством».

Разрабатывая понятие человека-атома и его взаимоотношений с обществом, Т. Гоббс и Дж. Локк дали представление о частной собственности. Она и стала осью гражданского общества и главным мотивом перестройки традиционного патерналистского государства в либеральное. Вот слова Дж. Локка: «Главная и основная цель, ради которой люди объединяются в республики и подчиняются правительствам – сохранение их собственности». Ж.-Ж. Руссо в «Рассуждениях о происхождении неравенства» (1755) так писал о возникновении гражданского общества: «Первый, кто расчистил участок земли и сказал: “это мое” – стал подлинным основателем гражданского общества». Он добавил далее, что в основании гражданского общества – непрерывная война, «хищничество богачей, разбой бедняков».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.